

белому въ одинъ день ушло болѣе шестисотъ человѣкъ. Изъ слободы Серебрянки, Новооскольскаго уѣзда, ушло болѣе двухсотъ человѣкъ малороссіянъ. Съ ними бѣжалъ выборный черкасѣ Махота съ 3000 руб. собранныхъ денегъ да разными вещами — всего на сумму до 1000 р. Эти малороссіяне, имѣя при себѣ *всякое оружіе*, не только отбиваются, но и свободно проходятъ чрезъ селенія и жители этихъ селеній ихъ пропускаютъ безъ задержки, приговаривая, что они, малороссы, люди вольные и за ними гоняться не для чего“...

Съ теченіемъ времени все больше и больше поднимались со своихъ мѣстъ малороссы и двигались на юго-востокъ. Беклешовъ велѣлъ исправникамъ смежныхъ съ Воронежскою губерніей уѣздовъ отправиться на Воронежскую границу и лично подтвердить сельскимъ начальникамъ о непронускѣ и изловленіи бѣглыхъ людей, затѣмъ изъ казенныхъ поселеній учредить караулы и задерживать бѣгущихъ малороссіянъ, давая знать объ этомъ отъ одного селенія другому для взаимной въ этомъ отношеніи помощи. Кроме того Беклешовъ предписалъ исправникамъ объѣзжать границы и наблюдать за положеніемъ дѣлъ. Велѣлъ онъ также требовать отъ сельскихъ начальствъ, чтобы тѣ ловили малороссіянъ, направлявшихся на Воронежскую границу, пуская въ дѣло — сотскихъ и десятскихъ, а въ случаѣ необходимости и „всякаго рода обывателей“.

Въ предписаніяхъ своихъ А. А. Беклешовъ писалъ также исправникамъ: „стараться вамъ по селеніямъ развѣдывать искуснымъ и непримѣтнымъ образомъ, какая причина столь многолюдному побѣгу, не родилась ли между простымъ народомъ какая молва, такъ какъ есть свѣдѣнія о томъ, что проговариваютъ о вольности черкасѣ и объ указѣ какомъ-то. Откуда и отъ бого такая молва пропущена, куда и съ какимъ увѣреніемъ побѣгу черкасѣ по общему слуху располагается, нѣтъ ли какихъ подговорщиковъ, каковыхъ, буде окажутся, неопустительно разспрашивать; однакожъ въ томъ поступать весьма осторожно, дабы не сдѣлать въ народѣ ненужной и напрасной тревоги. Напротивъ того — гдѣ въ селеніи какой-либо народный говоръ, а паче и движеніе, стараться внушать противныя сему мысли, указывать опасность и совершенное разореніе отъ незаконныхъ на побѣгу покушеній, что препоручать и гг. дворянскимъ засѣдателямъ, когда они по дѣламъ будутъ въ селеніяхъ, но съ наблюденіемъ при томъ всевозможной осторожности. Что же откроется, о томъ доносить мнѣ немедленно и обстоятельно.“

„А тѣхъ бѣглецовъ, которые пройдутъ въ Воронежскую губернію, имѣете вы (исправники) преслѣдовать и просить той губерніи исправниковъ о немедленномъ задержаніи бѣгущихъ. Я ожидаю, что вы въ семъ немаловажномъ для общаго благоустройства случаѣ покажете расторопность и бдительность къ особливому моему удовольствію“.

Не смотря на распоряженія Беклешова, повидимому, мѣстныя власти плохо справлялись съ волненіемъ малороссіянъ. 4 мая Беклешовъ послалъ въ Старооскольскій уѣздъ совѣтника гражданской палаты Коростовцева „для приведенія черкасѣ къ порядку“ и далъ ему особія полномочія.

Волненія малороссіянъ продолжались до осени 1795 года и были прекращены крутыми мѣрами и бѣглецы, большою частью, водворены на мѣста ихъ жительства.

Соляной бунтъ разыгрался въ 1794 году въ Старомъ-Осколѣ. Въ старину, какъ извѣстно, соль была продаваема изъ казенныхъ складовъ. Начальники губерній обыкновенно получали изъ года въ годъ массу предписаній о томъ, чтобы доставка соли на мѣста ея продажи была производима своевременно и безпрепятственно. Затрудненія въ приобрѣтеніи соли жителями той или другой мѣстности вызывали болѣе или менѣе серьезныя послѣдствія. Такого рода дѣло было въ 1794 году, въ Старомъ-Осколѣ.

Тамошній городничій въ началѣ октября уѣхалъ изъ города, оставивъ соляной магазинъ запертымъ. Обыватели Старого-Оскола и уѣзда остались безъ соли, да еще какъ разъ въ то время, когда они должны были квасить капусту. Горожане и прѣзжіе окружали ежедневно магазинъ, требовали у властей продажи соли, но безуспѣшно. 15 и 16-го октября былъ въ городѣ большой осенній базаръ; въ Старый-Осколъ съѣхалось много помѣщиковъ и крестьянъ изъ окрестныхъ мѣстъ. Всѣ жаждали получить хотя-бы по нѣскольку крупицъ соли, и она была въ наличности въ магазинѣ; но городничій и по сію пору не возвращался.

15-го числа еще терпѣлъ народъ кое-какъ. На другой же день появилось рѣшеніе — идти толпой на магазинъ, разбить его увѣсистыми дубинами и овладѣть солью. Кричали:

— Взять соляную „гамазю“, и никакихъ!.... Дѣйствительно толпа приступила къ амбарамъ и хотѣла пустить въ ходъ дреколье. Тогда странчій съ какими-то инвалидами сбилъ замки съ дверей магазина и открылъ торговлю солью за свой счетъ и страхъ. Пока инвалиды отпускали требуемый потребителями товаръ, странчій настрочилъ рапортъ генералъ-губернатору о происшедшемъ случаѣ и погналъ съ нимъ нарочнаго въ Курскъ. А. А. Беклешовъ поблагодарилъ за распорядительность странчаго и велѣлъ для производства слѣдствій отправиться въ Старый-Осколъ изъ Курска губернскому казенныхъ дѣлъ странчому, а Старооскольскаго городничаго предать уголовному суду.

Отмѣтимъ еще два-три характеристическихъ случая, бывшихъ во время генералъ-губернаторства Беклешова.

Столкновеніе его съ губернскимъ прокуроромъ Яцнымъ. Прокуроръ держалъ въ рыльскомъ уѣздѣ два винокуренныхъ завода. На одномъ изъ нихъ онъ сталъ выкуривать вина больше, чѣмъ слѣдовало. Тогда Беклешовъ приказалъ исправнику арестовать бывшее въ заводскомъ складѣ вино и запечатать самый заводъ. Такъ и было сдѣлано. Губернскому прокурору пришлось подать на имя Беклешова прошеніе. Въ этомъ прошеніи онъ писалъ, что потому допустилъ на одномъ изъ заводовъ увеличенное винокурение, что на другомъ производство, вслѣдствіе поврежденія, было приостановлено. Прокуроръ возставалъ противъ обязанности заводчика выку-